

ОСЕННИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Евгения **МИХАЙЛОВА**

Галина **РОМАНОВА**

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Осенние детективные истории

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Осенние детективные истории / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-115657-2

Первые осенние деньки – прекрасная возможность отойти от ярких летних впечатлений, еще раз пересмотреть отпускные фото, убрать легкие наряды, достать уютные плащи, эффектные шарфики и начать все заново. В этом вам помогут любимые писатели – Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова, Галина Романова – и другие популярные авторы, сочинившие остросюжетные рассказы, вошедшие в сборник «Осенние детективные истории». Открыв его, вы ощутите шелест осенней листвы под ногами, услышите стук дождя по подоконнику и, конечно же, насладитесь увлекательным чтением!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115657-2

© Устинова Т. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Татьяна Шахматова	7
Татьяна Устинова	23
Анна и Сергей Литвиновы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

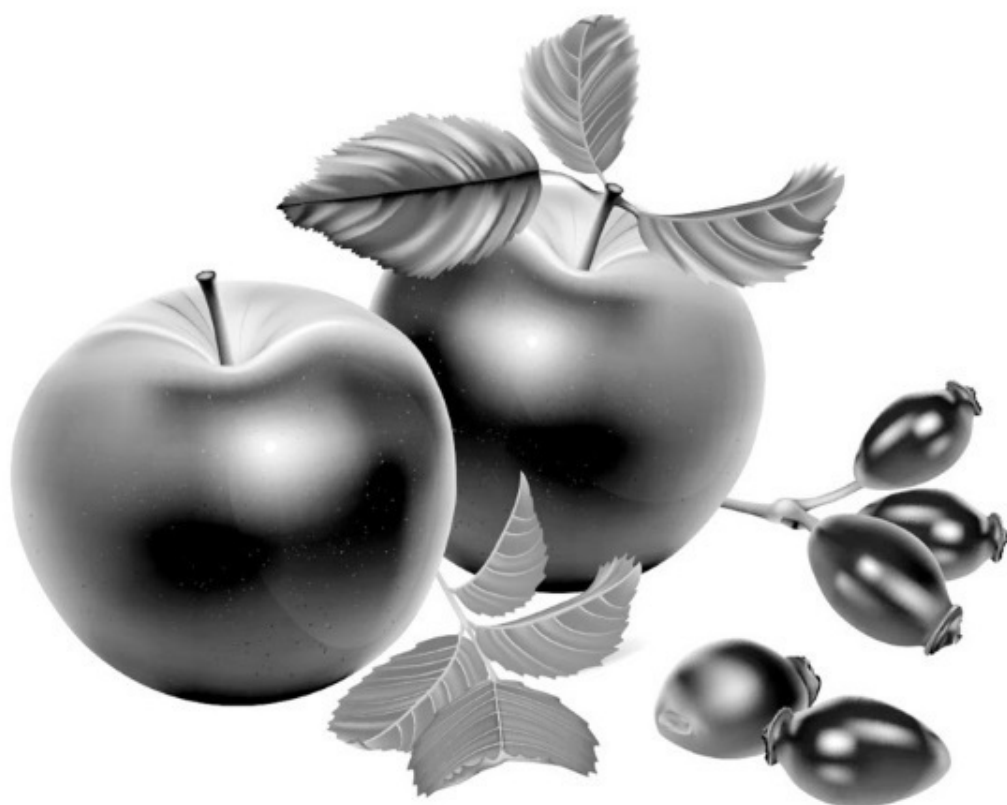
ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Осенние детективные истории: сборник рассказов

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

© ively / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Татьяна Шахматова

Лучшее время года для продажи квартиры

– Отвлечься?.. Какое ценное и, главное, своевременное предложение!

Выражение лица собеседника хорошо знакомо Светлане. Они не виделись больше полу-года, но *modus operandi* у Глеба прежний. «Очень смешно», – сказал бы он, если бы вообще посчитал нужным высказываться. Глеб стоит на коленях лицом к входной двери, скрючившись, как мальчик Микеланджело, и, наверное, считает лишним препираться в такой неоднозначной позе.

– Ладно. Я тебя отвлеку сейчас, – говорит она сквозь кривую усмешку. – Вот, к примеру, хочешь знать, какие вещи я поняла после тридцати?

Он полуборачивается и неопределенно крикает, что интерпретируется как приглашение к диалогу.

– Значит, так. Первое: спиртное не усиливает коммуникабельность. Второе: количество мужского внимания не зависит от высоты каблука. Третье: в жизни, как и в машине, самое удобное и безопасное место – водительское. Отвлекает?

Он перебрасывает вес тела на пятки, отталкивается, выпрямляется, демонстрируя высокий рост и неплохие пропорции, которые портит уже безоговорочно наметившийся живот. «Забросил сквош, опять подсел на фастфуд», – не без злорадства отмечает про себя Светлана.

Проходя мимо, Глеб усмехается ей в лицо:

– Беда в том, что, когда ты это поняла, у тебя уже был гастрит, плоскостопие и две разбитые тачки. Спасибо за эти ценные сведения, но я предлагал тебе отвлечься от разговора *со мной*. – Он что-то ищет в карманах куртки, но возвращается с пустыми руками.

– То есть попросту заткнуться? – интересуется Светлана с приторной вежливостью.

– Ты слишком стара, – в тон отвечает он.

– Что???

– Слишком стара, чтобы приходить к настолько глобальным выводам о жизни. Это удел семнадцатилеток.

Подача жесткая, удар с накатом, на грани хамства, но это ведь Глеб. Когда смотришь на таких, как он, надо снимать розовые очки, собирать в кулачок розовые сопли и не забывать о чувстве юмора. Он из тех самых детей-индиго восьмидесятых, умы которых воспитаны крепкой советской школой, а умение быть гибкими и даже местами эластичными приобреталось в бурные девяностые, которые не переломали, но и не озолотили, потому что у последних детей из поколения X и первых из поколения Y в эти годы не было даже паспортов. Зато был доступ к спутниковому ТВ, зарубежной музыке и передачам Севы Новгородцева. Так что добавьте к списку полный скептицизм взгляд на вещи, особенно по отношению к настоящему, которое свойски-наивно смешивает патриотические цели, идеи личного обогащения, интеллект, секс и торговлю, – и получите Глеба Порфирьева собственной персоной. Обижаться на порфирьевский острый язык – ошибка смысла.

– А ты у нас типа старик Лао Бзды, который знает, как устроен этот мир! – парирует Светлана и моментально раскаивается, слыша нотки обиды в собственном голосе и понимая, что надо было промолчать.

Довольная улыбка Глеба подтверждает, что хорошая мысль в этот раз действительно плелась опосля. Тренер по сквошу называет такие удары по воздуху вслед уже пролетевшему мячу догоняшками. «Опоздашка-догоняшка» – их бывший тренер из другого поколения: эмпатичное и эмоциональное дитя конца девяностых, эдакий вечный пупсик, всегда на позитиве. Светлана с Глебом месяца два звали его между собой «голубой устрицей», до того дня, как тот

позвонил и отменил занятие, потому что у него разом слегли с гриппом и жена, и ребенок. Впрочем, тайная кличка тренера уже приросла намертво.

Светлана машет Глебу рукой, мол, все равно, и скрывается в кухне.

– Не нервничай так, я его вижу, сейчас вытащу! – кричит ей вслед Глеб, возвращается к двери и снова вступает в интимный диалог с замочной скважиной, пытаясь подсвечивать сам себе телефоном.

– Света!.. Свееееет...

Она выходит на зов, останавливается в дверях и смотрит ему в спину со смесью жалости и раздражения.

– Дай мне луч света в этом темном царстве, Светлана!

Молодая женщина закатывает глаза и преувеличенно тяжело вздыхает, но забирает телефон с его раскрытой ладони.

– Давай-давай, принцесса, не пыхти! Такое иногда случается – ключи застревают в замках. Это жизнь.

– Тридцать четыре года живу на свете, и со мной такое впервые, – парирует она, протискивается между сидящим на корточках мужчиной и встроенным шкафом-купе, освещает светлый, начинающий лысеть затылок и направляет луч в скважину. Пролезая, она жалеет, что не сняла туфли: и здесь без каблучков было бы удобнее.

– Да, ччччерт!

– Что?

– Ерунда, можешь еще по нему потоптаться.

– По кому?

– По моему мизинцу, он все равно уже ничего не чувствует.

– Ох! Извини!.. Я даже не поняла...

– Женские каблукки – вещь коварная. У кого-то мизинец вдребезги, а она даже не заметит.

– Глеб, блин! Ты шутишь, что ли? Как всегда, в амплуа гада и гаера?!

Непонятно, то ли Светлана действительно теряет равновесие, то ли просто размахивается и дает подзатыльник незадачливому шутнику.

– Эй, полегче, я рассчитываю как минимум на роль королевского шута, – как ни в чем не бывало продолжает веселиться Глеб, но вдруг резко меняет тон на серьезный. – Так что там четвертое?

Он поворачивает голову, отклоняется и одновременно старается растереть мизинец. Кто разберет в этой темноте, притворяется он или нет. Время Светланиных каблучков а-ля комариный носик, кажется, навсегда ушло в прошлое. Их сменили удобные платформы, классические квадраты, импозантные пирамидки или лихие казачки, но не выше шести-семи сантиметров. Устойчивость и дороговизна – вот новое кредо успешной бизнес-леди из Чикаго. А сентябрь – самое время для туфель, когда хочется наступить изящным каблучком на хвост убегающему лету. Вдруг удастся задержать хоть ненадолго? Правда, пока, кажется, наступила только на мизинец бывшего мужа, но ничего страшного, сам виноват, нечего раскладывать свои лапы на весь коридор. В неровном освещении телефонного фонарика лицо Глеба похоже на маску древнегреческого театра. Сатир с огромным носом, смеющимися глазами и черным провалом улыбающегося рта. Рука женщины произвольно дергается, и вот уже неверный тонкий луч света показывает совсем иную картину: уголки глаз опускаются вниз, рот скорбно кривится. Комедийная маска медленно превращается в свой трагедийный антипод.

– Так что четвертое? – повторяет «сатир» тише, уходя в шепот, который вдруг кажется ей зловещим.

Светлана молча наблюдает за игрой теней, не понимая, чего он хочет от нее, о чем «четвертом» идет речь? Четвертая стража? Второе пришествие? Что четвертое?

– Ну эти... твои великие афоризмы о законах бытия. Ты уже озвучила три, но я подозреваю, что их гораздо больше.

«Засранец!» – На сей раз Светлана произносит это про себя и снова устанавливает телефон так, чтобы свет направлялся ровно в замочную скважину, а не на его лицо. Она тоже понижает голос до шепота.

– Я скажу тебе кое-что. Есть четвертое, ты прав.

Несколько секунд в темноте коридора, которая в контрасте с освещенной частью двери совершенно непроглядна, стоит густая напряженная тишина, не нарушаемая даже дыханием.

– Для человека, который тупейшим образом сломал ключ в замке, ты слишком много веселишься, – почти кричит Светлана.

Глеб ворчит, мол, ему все же хотелось унести ноги живым с этой встречи:

– Не надо так орать. Сначала мизинец, теперь ухо.

Теперь он принимается за работу с утроенным старанием, но совместить два обломка ключа – тот, что застрял в замке, и тот, который остался у Глеба, – задача не из легких. Иногда, впрочем, Глебу и Светлане даже кажется, как будто механизм поддается: еще немного усилий, и они на свободе, но это ощущение всякий раз ложное. Обломки помнят о своей общей истории, края разлома все еще подходят идеально, но части не хотят больше двигаться как единое целое. В конце концов рука Светланы начинает дрожать от напряжения неудобной позы.

– Мне трудно так стоять.

– Обопрись.

– Обо что?

– Об кого – об меня.

– Я лучше выберусь. Мало воздуха.

Он снова перекачивается на пятки, пропуская ее. Движения даются ему уже без прежней легкости. Пользуясь темнотой и тем фактом, что свет у нее в руках, Светлана скользит лучом по его раздobreвшей спине, обтянутой светлой офисной рубашкой.

– Можешь идти, так мы все равно ничего не добьемся, обломок внутри деформировался. – Глеб поднимается и идет следом. – А пилки для ногтей с острым концом у тебя с собой, случайно, нет?

Светлана неожиданно бьет себя по лбу:

– Вот незадача, как раз сегодня выложила свою походную отмычку!

– А как же анекдоты про женскую сумочку, в которой умещаются пять галактик?

Шутка дурацкая, она даже не оборачивается.

– Ладно. Пойдем другим путем, – не теряет он бодрости духа. – Не бесись. Зато у тебя красивые туфли. И платье красивое. Сразу видно – все заграничное.

– Дизайнерское, – небрежно поправляет она.

Глеб возвращается в прежнюю позу, а Светлана возвращает телефон и уходит в комнату, оставив его замечание без ответа. Да и на что тут отвечать? В коридоре темно, как в квадрате Малевича до изобретения электричества: на месте лампочки висит только пустой патрон. Кто же предполагал, что единственный совместный визит, который они с Глебом нанесут их новой квартире, да и то только для того, чтобы продать, превратится в квест «выйди из запертой комнаты». Если бы знала, конечно, прикупила бы лампочку по дороге и пилку бы взяла, и топор. Так что комплимент про платье – как всегда, ирония.

Когда она приехала, Глеб уже был на месте. Происшествие легко описать в нескольких строчках протокола: она вошла, он повернул ключ в замке, тот не поддался сразу, он надавил, половина ключа осталась у него в руке. Ни тебе политеса встречи, ни уж тем более разглядывания, кто во что одет. Вердикт окончательный и обжалованию не подлежит: идиот и виновен.

– А если обломок протолкнуть наружу и потом открыть моим ключом? У нас же два ключа! – кричит Светлана из комнаты.

– Не поможет. Название «цилиндровый механизм сквозного типа» на самом деле не соответствует действительности. Отверстие в замке не насквозь, чтобы невозможно было снаружи вытолкнуть ключ, вставленный изнутри. Насквозь даже спица не пролезет. Иначе было бы слишком много желающих.

Светлана даже приблизительно не представляет, где ее бывший муж мог почерпнуть столь специфические сведения о способах взлома дверных замков, но не переспрашивает. Это давно не ее дело.

– Надо было сразу менять дверь, а не надеяться на это китайское недоразумение. Но ты ведь не прислушивался, – бормочет она, оглядывая комнату и не особо надеясь, что он расслышит, но напрасно. Глеб реагирует моментально:

– Уже полгода как полностью свободен в выборе, к кому прислушиваться!

– Придурок, – беззлобно бросает она, улыбаясь мысли о том, что развод с Глебом был, пожалуй, самым правильным решением в ее жизни за последние несколько лет.

Сладко пахнущую обояным клеем необжитость комнаты нарушает только белоснежный пружинный матрас дорогой немецкой фирмы, который стоит вертикально, прислоненный к стене. Матрасом воспользовались лишь однажды. Сестра Глеба приезжала из Питера, когда у Глеба и его новой молодой жены Кати родился сын. Несколько дней девушке надо было где-то жить. С бывшей золовкой у Светланы хорошие отношения, поэтому она безропотно дала разрешение пустить девушку в совместно купленную еще до развода квартиру. Оля – студентка, учится на экономиста. У Глеба в семье сплошные юристы, экономисты, нефтяники или специалисты по кадастрам. Хитрая семейка. А Глеб, без сомнения, самая хитрая и хищная пиранья в этом пруду. Не зря мудрые люди советуют смотреть сначала на родственников, а уже только потом на избранника.

Но золовка Светлане всегда нравилась, нормальная девчонка. Ольга позвонила ей сама. Прямо с этого самого матраса. В одной руке – откупоренная бутылка вина, в другой руке – телефон. «У этой Катки только и есть сиськи, попка да глазки – масляные сказки... Да и то были... сейчас куда что делось!» – простодушно восклицала Ольга, только что вернувшаяся с крестин. «Катка – это просто инстинкт», – оправдывала братца золовка, но Светлана лишь улыбалась ее немного взвинченной винной болтовне. Сама Светлана тоже не в модном нынче формате худобы и длинноногости, но разве в этом дело. Как дело не в глазках и не в инстинктах.

Новая жена Глеба только в их с золовкой разговорах «Катка попка-глазки». В жизни же у Катерины профильное образование академии туризма, девушка предприимчивая, активная и позитивная, – писала она сама о себе в резюме. Моложе Светланы на целых восемь лет, тоненькая, гибкая, исполнительная. В агентстве Катю звали не иначе как «вишенка на торт» или просто «вишенка». Так коллеги обыграли Катину фамилию Огородникова. «Вишенка» точно с тем же суффиксом, что и Катка, но какой разный смысл этой уменьшительности.

– Я, может, и придурок, – доносится из коридора приглушенный голос Глеба, из чего Светлана делает вывод, что он продолжает возиться с замком, пытаясь светить себе самостоятельно. – Зато в отличие от кое-кого не делаю на людях вид, что мы незнакомы.

– Ха-ха! Очень смешно!!! – отвечает она мгновенно и пишет в мессенджере риелтору:

«Дамир, вы в пути?»

«У нас тут небольшие проблемы. Заело замок».

«Идите сразу под балкон, я скину второй комплект ключей, возможно, удастся открыть снаружи».

Риелтор Дамир не отвечает. Даже не читает сообщения. Да что ж такое! Она начинает злиться, меряет комнату шагами из конца в конец – какой хороший все-таки метраж. И планировка удачная. Даже жаль продавать.

На самом деле заело не замок. Замок – это только один из элементов картины. Даже не так. Замок – это символ. Метафора их дурацкого с Глебом брака, в котором с самого начала заедало и застревало все, начиная с бесконечных ссор, выяснений, кто главный, кто первый, кто лучше, кто умнее, – не брак, а олимпиада, – и заканчивая деторождением. Когда помощница Глеба забеременела, стало даже как-то легче. У Светланы, в свою очередь, почти сразу появился поклонник. Не назло. Просто так сложилось. Познакомились в Тиндере. Американец, потомственный русский, приехавший в Россию на каникулы, с детства влюбленный в русскую культуру, русский язык, а теперь еще и в русскую женщину. После двух недель знакомства предложил ехать с ним в Чикаго.

– Про игнор как раз не смешно, – прерывает ее мысли Глеб. – Я все знаю, милашка! Ты была в Лондоне!

«Милашка» – как морская свинка, обгадившая вольер. Он говорит так назло. Раздаются шаги. Мужчина появляется в дверном проеме между коридором и комнатой, на его лице другое хорошо известное ей выражение, говорящее: «Да, да, я тебя вычислил!» Она выдерживает его взгляд и разводит руки. «Ну и что теперь?!» – вопрошает ее ответная пантомима.

Это было на форуме по туристическому бизнесу в Лондоне три месяца назад. Светлана прилетела представлять чикагский филиал их совместного с Глебом туристического агентства. Филиал организовала сразу по приезде в Америку не без помощи своего нового американского мужа. В Лондоне Светлана ожидала каких угодно встреч и пересечений, но только не с Глебом и Катей. И вдруг эти двое выплыли из дверей зала, где проходил брифинг по российскому туризму, как два вражеских военных корабля, внезапно появившихся в нейтральных водах. У Кати уже был огромный низкий живот, лицо в густой пигментации, которую не скрывал даже толстый слой тонального крема, отекавшие ноги. Если бы Светлана встретила Катерину без Глеба, то ни за что не узнала бы прежнюю звонкую-тонкую секретаршу. Судя по стремительности метаморфозы вишенки в тыковку, беременность проходила нелегко, но девушка стойко последовала в Лондон за своим начальником. В свете последних событий Светлана понимала Катю, а уж сама Катя точно знала, от чего страхуется. И как же хорошо, что к моменту этой лондонской встречи Светлане все это было уже до фонаря. Особенно радовало, что ее собственный доклад был уже прочитан, визитки нужным людям разданы, фуршетный бутербродик съеден, селфи запощены, теги проставлены, и она действительно намеревалась технично срулить в закат, чтобы погулять по Трафальгар-сквеа и разным прочим знакомым еще по учебнику с Леной Стоговой сквеа и стритам. Сказано – сделано, чего лишний раз попадаться на глаза, тем более что с Глебом они время от времени все равно обсуждали дела агентства в скайпе и мессенджерах.

Она даже не была уверена, что Глеб заметил ее, а вот поди ж ты, значит, сверился с программой и навел справки. Светлану немного замутило от осознания того, что он следил за ней.

Расставание с Глебом прошло удивительно мирно. Узнав о Майкле из Чикаго, Глеб перестал отрицать свою причастность к беременности Кати. И напряжение нескольких последних месяцев брака рухнуло, как железный занавес. Моментально стали ненужными тысячи дурацких дел, которыми они оба занимались, как будто кто-то сверху вменил им это в обязанность: подозревать, выведывать, отнекиваться, требовать отчетных звонков, увиливать, врать. Фу! Купаясь в волнах сладостного облегчения, которое смешалось с неожиданной благодарностью граду, миру и друг другу, бывшие супруги решили остаться друзьями. Все-таки за семь совместных лет успели серьезно вклиниться в общий бизнес. Квартиры-машины-деньги поделить можно, но как поделишь успешно функционирующее туристическое агентство, задумки, технические и креативные решения, фишки, изюминки, все то, что сделало репутацию и в конечном счете обороты их бизнесу? Решили не делить, а сделать ставку на цивилизованные отношения и дружеское партнерство, скрепленное контрактами и трудовыми договорами.

«С самого начала и надо было дружить», – радостно призналась Светлана своим остолбеневшим родителям уже после того, как сообщила о конце эпохи и переезде в Чикаго. Они с Глебом действительно начинали с дружбы: учились на факультете международных отношений. Только у нее был еще упор на психологию, а у него – на иностранные языки. Глеб в то время встречался с девчонкой, которая крутила-вертела им только в путь, а Светлана не замечала никого вокруг, потому что была безответно влюблена в женатого доцента с кафедры философии, который специализировался на французских философах двадцатого века. Отличная была у них с Глебом студенческая дружба: пиво, сплавы, веселье, увлечение языками, модными тренингами по бизнесу и коучингу. Вот на этом и нужно было остановиться.

Когда все вернулось на круги своя, бывшие супруги словно освободились от тяжелой ноши. Мать старорежимно советовала Светлане не спешить, не рубить сплеча, вспоминала историю прабабки Олимпиады, которую звала Липочкой – имя-то какое спортивно-эстафетное и переслащенное одновременно, – нашла мама на кого равняться. Липочка – это своеобразная семейная легенда об укрощении строптивой, ибо прабабка обладала поистине легендарным в плане скорости на расправу характером. Прабабка Олимпиада умудрилась выйти замуж за какого-то левого чувака только из-за того, что прадед пошутил, мол, не будет после свадьбы выполнять ее прихоти, жена должна за мужем бегать, а не наоборот. Она и сбегала. За соседа. Победила на короткой дистанции.

– А сердцу-то не прикажешь, – хмурилась мать Светланы. – Прожили молодожены полгода, да прадед прабабку-то и выкрал. Сговорились, подъехал ночью на санях. Она в чем была из дома свекра выбежала, через забор сиганула и была такова. А свекор за ней с топором до самой околицы бежал, муж собак по следу пустил, но только куда там, накрыл прадед свою строптивую любовь медвежьей полстью, пустил коней, только их и видели. Жизнь – дистанция длинная. Смотри, не прабабкина ли кровь-то кипит? – увещевала мать, провожая Светлану в аэропорт.

Но куда там современной молодежи до тех старорежимных патриархальных страстей. Цивилизация, эмансипация, и Светлана с увлечением осваивала американскую жизнь с новым мужем. Делами агентства занималась удаленно, но добросовестно. Выглядела благополучной и счастливой. В итоге мать только развела руками: чужая душа – потемки, судьбы у всех разные.

Глеб тоже не растерялся: отправил Катю в декрет, перевез в свою квартиру, где раньше жил со Светланой, а себе взял другую помощницу, еще более глазастую. Оставалась сущая ерунда: продать и поделить совместно нажитое имущество. Для решения такого важного денежного дела Майкл не без печального вздоха отпустил свою русскую супругу на родину.

– Не понимаю, где Дамир, – сетовала Светлана, отправляя очередное «ау» риелтору.

– Позвони, что ты, ей-богу, как какой-нибудь миллениал, – бросает Глеб, направляясь в ванную. – У тебя, кстати, нет жвачки?

Капельки пота блестят на его лбу, и Светлана машинально лезет в сумочку за влажной салфеткой, но передумывает и достает только жвачку.

– Жвачка есть.

– Доставай и жуй.

– Что? – Она невольно прикладывает руку ко рту. Эксцентричность Глеба для нее не новость, но на сей раз слишком даже для него.

– Неправильный вопрос. Не что, а сколько. Возьми сразу три подушечки, мне нужен большой резиновый комок.

– А мне кажется, тебе нужен большой резиновый кляп.

– Это технология! – восклицает Глеб, мгновенно забывает, куда шел, в два шага сокращает расстояние между ними и, хитро улыбаясь, отводит ее руку от губ, не забыв успокоить: – С дыханием у тебя все нормально.

Глеб отправляет в рот сразу половину пачки и энергично жует, всем видом демонстрируя энтузиазм и радость от проделываемой работы.

Однако и трюк со жвачкой не приближает их к желанной свободе. Обломок засел в замке слишком плотно, жвачка бесполезна.

– Есть еще варианты вытащить этот несчастный ключ? Кроме дурацких? – интересуется Светлана, возвращаясь в комнату.

– Нет, последняя надежда умерла, давай мы просто ляжем здесь и тоже умрем от холода и голода, – серьезно сообщает Глеб, резким движением отделяет матрас от стены и кидает его на пол. – Прошу!

Светлана молча разворачивается и скрывается в кухне. Он идет следом.

– Если ты испугалась матраса, то напрасно. Это только у Ильфа с Петровым матрас обладает магической силой и требует жертвоприношений. Нашему матрасу не нужны ни стол на глупых тумбах, ни занавеси, ни портьеры, ни кухонная посуда. Это матрас-пофигист. Матрас-буддист. Мещанское счастье его не интересует. А грех для него – это всего лишь ошибка кармы, к конкретному человеку не имеющая никакого отношения. Ведь кто станет всерьез сердиться на карму? Наш матрас-буддист совершенно безопасен.

– Оставь свои штучки эффективного переговорщика, – закатывает глаза Светлана.

– Физики утверждают, что сама вселенная имеет форму матраса, – с довольной улыбкой продолжает Глеб. – Ты же любишь размышлять о глобальном. Так вот: огромное плоское замороженное нечто.

– Скорее ничто.

– Ничто? Прекрасно! Ничто. Тлен, тщета. Суета сует...

– Такой же тлен, как твои попытки завязать беседу, – прерывает она.

Мужчина притворно вздыхает и демонстративно делает два шага назад:

– Ну раз на философские разговоры ты больше не настроена, тогда дай мне свой телефон.

Светлана молчит и показывает взглядом, что его собственный телефон у него в руке, но Глеб лишь небрежно улыбается: «кончились деньги».

– У тебя нет автопополнения?!

– Руки не доходят подключить.

– Почему я не удивлена?! – Светлана со вздохом возвращается в комнату, достает из сумочки мобильный.

Глеб тут же принимается звонить. Полиция отсылает в МЧС, те – к коммунальщикам, коммунальщики, в свою очередь, жалуются, что на сегодня все выезды закрыты. В итоге после долгих поисков номера и перезвона с далекими и близкими офисами удается выяснить, что помощь готова частная фирма «Планета надежных дверей».

– Перезвоните?! А, чудесно, жду!

Глеб триумфально подмигивает, мол, все улажено, и скрывается наконец в ванной с ее телефоном, чтобы через несколько минут снова возникнуть в дверном проеме с вопросом, есть ли в сумочке Светланы еще и зарядник. Ей вспоминается, как на лекциях по международному праву им рассказывали про одну дипломатическую уловку, когда уже не помогают ни увещевания, ни переговоры: «чтобы не потерять лицо в международном сообществе, мы сами напросимся на пощечину, чтобы иметь полное право ответить сопернику ударом на удар. Только на их пощечину мы ответим поездом». Кажется, сейчас самый подходящий момент для паровозного гудка возмездия. Дорого бы она отдала, чтобы посмотреть, как встретится эта наглая, только что умытая физиономия ее бывшего мужа и тупая морда несущегося на всех парах транспортного средства повышенной опасности.

– Там было пятьдесят процентов зарядки! – педит она.

Глеб делает растерянное лицо. Светлана возвращается в кухню, набирает в чайник воды.

– Откуда здесь чайник? – Глеб тоже перемещается на кухню.

– Твоя сестра купила. Надо же ей было утром завтракать. Так никто и не увез. – Светлана старается сдерживаться.

– Прекрасно, а то пить хочется.

– Попьешь-попьешь. Даже кружка есть. – Она смотрит на него в упор, достает из ящика кружку и вдруг швыряет, попадая ему в район солнечного сплетения. Мужчина едва успевает поймать.

– Бросил сквош? – намекает она на его плохую реакцию.

– Партнера нет.

– Дисциплины нет.

– Да и некогда.

– Давай рассказывай, как ты занят!

Глеб возвращает кружку в шкаф, делает глубокий вдох.

– Света, у меня сейчас помимо дел на фирме сложный трудовой спор. Немного запутанный. Завтра с утра судебное заседание, а я ни разу не готов. Я расстроен не меньше твоего, не надо так.

Она отворачивается, ищет кнопку включения у плиты, вспоминает, какие ручки отвечают за конфорки.

– Какой еще трудовой спор? Ты кого-то увольняешь?

– Нет. Конфликт с подрядчиками.

– А почему ты на процессах, а не юрист?

– Ну так вышло.

Она хмуро молчит, явно собирается что-то сказать, но он опережает ее.

– Света, не надо предположений. Я бы хотел потешить твое самолюбие, сказать, что все плохо, что без тебя фирма погибает, пришлось даже уволить юриста, но это не так. Просто Геннадий Петрович в отпуске. Он всегда брал отпуск в сентябре, чтобы провести бархатный сезон на Черноморском побережье. Ты уже забыла? Я знал о судах, но решил, что справлюсь сам.

Она согласно кивает. Нет, она не забыла, но американская жизнь и заботы о новом филиале совсем вытеснили из ее головы вещи, которые казались вечными неписаными правилами. Геннадий Петрович – отпуск в бархатный сезон. Бухгалтер – обязательно поедет к родителям в деревню Антоновку, то есть две недели возьмет весной во время посевной, а другие две недели прибережет на зиму, чтобы оторваться на полную катушку в Таиланде вместе с другими зимовщиками, присовокупив остатки отпуска к длинным выходным. Менеджеры Валера, Максим, Юлия и Полина... У всех свои привычки и цели.

– Что может быть сложного в трудовых процессах? – интересуется она, стараясь переключить разговор на другую тему.

Наконец ей удается зажечь ближайшую конфорку и поставить чайник. Про себя она вдруг задается вопросом, помнит ли риелтор номер их квартиры. Берет телефон, чтобы скинуть СМС, вспоминает, что телефон разряжен. Кладет телефон. Прохаживается туда-сюда к двери и обратно к плите. Глеб не замечает ее нервного состояния. Как обычно, бывший муж занят только собой.

– Что сложного?! – Глеб пружинит, как будто готовится отбивать удар. – Действительно! Что сложного? А сколько у нас законов об охране труда, скажешь мне? М-м-м?

– Один закон. Трудовой кодекс называется... – рассеянно замечает Светлана.

Теперь Глеб прохаживается по кухне, заложив за спину руки, словно Сократ по Агоре в сопровождении учеников.

– Если бы один трудовой кодекс! Вместе со всякими подзаконными актами и методическими указаниями этих законов... внимание! Девяносто тысяч штук! Я специально подсчитал,

если изучать каждый хотя бы по полчаса, – это пять лет жизни. Без перерыва на еду и сон. Пять лет жизни!

– Бедолага, – притворно жалостливо тянет Светлана.

Глеб вдруг резко останавливается и смотрит сквозь хитрый прищур:

– Не такой уж бедолага. Я кое-что обнаружил. Если по чесноку, то все социальные гарантии в России исключительно на совести работодателя. Вот реально. Едва только появляется чуть-чуть нестандартная ситуация, и финита ля комедия – прав работодатель! Есть, конечно, надзорные органы и прокуратура. Но это все далеко и долго.

Бывшая жена поворачивается, по-совиному склоняет голову набок и молча смотрит. Все-таки лучше, чтобы в конкретных трудовых процессах принимал участие Геннадий Петрович, а не специалист по международному праву со своими глобальными обобщениями. Впрочем, у нее нет желания углубляться, Глеб как-нибудь сам разберется с подрядчиками, ну или они с ним. Вместо этого ей приходит в голову идея получше.

Она оборачивается к нему и медленно произносит:

– Ох уж эта пресловутая российская вер-ти-каль! – как бы соглашаясь с его выводами.

– Она самая, – кивает он, не чувствуя подвоха.

– И все хотят подняться по этой вертикали хоть на этажик, хоть на пролетик. А лифт работает с перебоями. – Светлана делает короткую паузу, раз-два-три, и заканчивает самым невинным и веселым тоном: – Зато у хорошеньких женщин с сексуальной попкой шансов больше, особенно если ходить на работу в короткой кожаной юбчонке.

Они несколько секунд смотрят друг другу в глаза, после чего Светлана начинает тихо посмеиваться.

– Расслабься! Видел бы ты свое лицо!.. Не грузись, ты сам подставился, – все еще улыбается она.

Это достойная месть за «ты слишком стара». Глеб ерошит волосы на голове.

– Брр, я, конечно, не ожидал, что мои наблюдения за разрастанием трудового законодательства можно трактовать в таком ключе, но окей, лещ засчитан, – улыбается он в ответ на ее улыбку.

– Это не лещ. – Светлана щелкает пальцами. – Можешь считать, что это было четвертое.

Вот теперь она отбила! Это точно не «опоздашка-догоняшка». Настала его очередь гонять воздух условной ракеткой вслед улетевшему условному мячу.

Светлана ликует, проходит к окну. Накапывает дождь, пасмурно, но тепло и безветренно. Если смотреть только на тополиную аллею, как бы не замечая берез и американских кленов, растущих вокруг коробки детской площадки, то можно подумать, что еще лето. Так она делала, когда была школьницей: в первые сентябрьские недели нарочно не видела желтеющих деревьев, покорно сдавшихся календарю одними из первых. Вычеркивала этих дрогнувших предателей из картины мира, проходила мимо, отворачивалась. Не смотреть на березы и американские клены! Смотреть только на высоченные тополя, на этих стойких солдатиков, верных стражников свергнутого короля Августа, удерживающих листву в полной зеленой готовности до самой середины, а иногда и до конца сентября. Но в итоге сдавались и самые верные, вступал в права воспетый Пушкиным багрец. И все вроде бы было правильно, а то, что делала Светлана, напротив – ужасно глупо, но почему-то ей нравилось тайно ото всех носить в себе болезненную сладость иллюзии еще одного продленного лета.

Двор огромный. Хозяева гуляют с собаками, мамы стоят с колясками под навесами подъездов. Всего год назад она мечтала, как оборудует рядом с этим панорамным окном свой рабочий стол, поставит кофемашину, будет сидеть за компьютером и в перерывах наблюдать за простой дворовой жизнью. Мечты не сбылись, но получилось все на удивление лучше того, что она могла себе нафантазировать. Жизнь интереснее любой аффирмации. И вообще, ломиться в закрытые двери и жить иллюзиями – теперь не в ее правилах. Глупо заставлять кого-то выпол-

нять свои прихоти, права прабабка. Прихоти – дело добровольное. Она мысленно подмигнула своей легендарной родственнице.

– По-прежнему не смотришь на желтеющие березы и американские клены? – спрашивает Глеб.

– Неа, смотрю на все без иллюзий, – усмехается Светлана.

Чайник оповестил жалобным писком о том, что он справился со своей задачей.

– Сколько времени... – интересуется Глеб.

– Пять примерно.

– Нет, я о другом, сколько времени ты меня ненавидела?

Этот неожиданный переход от шуток к серьезности был бы похож на заранее продуманный ход – вполне в духе Глеба, – но сейчас Светлана уверена в том, что это не подстроено. Своим спонтанным намеком на удачную Каткину карьеру от простой помощницы до жены владельца агентства женщина даже немного гордится, но этот намек можно интерпретировать и как пас, передаче мяча. Значит, Глеб сейчас тоже импровизирует.

– О чем это ты? – пытается ускользнуть она, но бывший муж не позволяет.

– Я просто хочу знать. Когда ты поняла, что все... что тебе противно? Ты ведь очень быстро... утешилась. Появился Майкл, ты уехала. Значит, дело не в Кате.

Он бросает мимолетный взгляд на ее лицо и мгновенно поправляется:

– Не только в Кате, я это хотел сказать.

– Гул затих, я вышел на подмостки, прислонясь к дверному косяку... Начинается! – продекламировала она, резко обернулась от окна и обнаружила, что Глеб действительно стоит, облокотившись плечом на выступающую нишу, отделяющую кухню от коридора, скрестив ноги и небрежно вложив в карман руку, оставив торчать один большой палец.

– Слова не мальчика, но героя... какой-то мелодрамы, – усмехается Светлана.

– Мне правда интересно.

– Глеб, прекрати! Ну что за разговоры! Мой ответ – нисколько. Мне не было противно. Но все прошло. Дорожки разошлись!

– Ну ладно, тогда хотя бы не стремно, – выдыхает он с видимым облегчением. – Надо тогда попробовать...

На этих словах Светлана резко выбрасывает вперед руку.

– Э, нет! Пробовали уже! Давай без этого.

– ...перебраться по балкону к соседям, – заканчивает он, несмотря на ее протест.

Несколько секунд она с сомнением смотрит на него во все глаза и выдыхает:

– Эй, дружище, ты не на переговорах и не на сделке! Хватит манипулировать.

Светлана делает шаг в сторону и упирается ягодицами в стол. Кухонный гарнитур – единственный предмет мебели, который они успели установить.

Глеб делает удивленное лицо:

– Какие манипуляции, Свет?! Ты сама прекрасно додумываешь, без посторонней помощи.

Светлана вскидывает брови.

– Когда телефоны заработают, скинь, пожалуйста, ссылку на свою страничку в Красной книге.

Он тоже делает удивленное лицо, и ей приходится пояснить:

– У каждого редкого зверя есть страничка в Красной книге. А ты однозначно редкий зверь.

– Редкая скотина – ты хотела сказать.

– Это ты сам сказал.

Этот словесный сквош уже не радует и не заводит, отбитые мячи не тешат самолюбия, а неотбитые шлепают по самым неожиданным местам. Она снова отворачивается к плите, чтобы

выключить истошно визжащий чайник, а когда поворачивается, видит в окно, что Глеб садится на перила лоджии. «Идиот», – едва слышно шепчет она себе под нос и, стараясь не делать резких движений, выходит к нему.

– Ты помнишь, что тут двенадцатый этаж? – Она ждет, что Глеб одумается, но он настойчив, зацепляется ногой за одну из железных скоб в стене, на которые они собирались вешать деревянные панели, и начинает медленно перегибаться за балконную перегородку. Балконы сделаны встык, но от этого не менее страшно.

– Ау, соседи, есть кто дома? – зовет Глеб и в этот момент чувствует, что Светлана хватается за ноги.

Голова его все еще на той стороне, нога уже потеряла скобу, ягодичные соскользнули с мокрой поверхности – слава богу, не на ту сторону, а на эту, – но он все равно в очень опасном положении: балансирует, опираясь поясницей на полукруглые перила, при этом ноги его крепко заблокированы бывшей женой. Перехватить скользкие влажные перила – плохая идея, приходится держать вес тела, опираясь на копчик и полусогнутые руки. Крайне неудобная поза.

– Света, мне приятно твое рвение, но одно неловкое движение – и я лечу вниз. Ты меня не удержишь. Отпусти, – говорит он тихо.

– Слезь.

– Отпусти сначала.

– Толкнись руками ко мне, и отпущу.

– Просто расслабь мышцы и разведи руки в стороны. Соседей нет дома, я и сам собирался возвращаться, – говорит Глеб, чувствуя, как начинают вибрировать давно не тренированные мышцы пресса.

– Отпиши на меня фирму! – внезапно требует Светлана и смотрит ему в глаза прямо и остро.

Он медленно закидывает голову назад, на лице отражается целая гамма эмоций.

– О господи! Теперь как в плохом, очень плохом триллере, – шепчет он.

– Ну? – усмехается она, видя, что он поверил.

– Света, отпусти! Ты... ты... черт, да ты издеваешься!

– А ты ведешься, как первоклашка.

– Отпускай уже!

– На счет три. Раз-два... три!

Она резко разжимает руки и делает шаг назад. Он валится обратно на балкон, приземляется на ноги. В окне отражаются две фигуры: он слегка опирается на ее плечи, и в этой позе еще лучше заметна их разница в росте.

– Ты не был похож на Тони Старка, – говорит Светлана, тяжело дыша.

– Да что ты?! На кого же? Наверное, на Человека-паука?

– Нет, это напоминало сцену из Титаника, только Роуз была немного мужиковата и бледовала, как торговка на привозе.

– Ага, а Лео без прелюдии хватал за задницу и требовал бабло за спасение жизни.

Они некоторое время рассматривают свои отражения в окне и вдруг заходятся смехом. Распределение ролей – половина успеха спектакля. Здесь, на балконе ипотечной многоэтажки, это правило работает не хуже, чем на главных сценах мира. Рост метр восемьдесят, широкие плечи, серые смешливые глаза в легкой сетке ранних мимических морщин, крупный нос, волевой подбородок с ямочкой упрямы: внешность Глеба мало подходит для исполнения роли трагической кинематографической возлюбленной. Так же как и курносая большеглазая милость Светланы не годится для исполнения роли героя-любownika. Адреналин растворяется в смехе. Глеб спускает руку на ее талию, но Светлана выскальзывает и возвращается в комнату. С этим надо прекращать. Знакомый запах тела, разгоряченного в неравной борьбе с дверным замком, в сочетании с хорошим парфюмом – что-то, а вкус у Глеба есть – знает

свое дело. Легкие касания, внезапные сближения. К счастью, она отдает себе отчет, что это лишь раззадоренное мужское эго. Вечный Глебушкин азарт. Он не может проиграть. Никому и никогда. Выхода из френдзоны не существует. Для кого угодно, но только не для ее бывшего мужа. Однажды он уже доказал это, а сейчас просто хочет закрепить успех. Действительно редкий зверь.

– В котором часу ты назначил Дамиру? – интересуется она, когда Глеб снова появляется в гостиной. Она сидит на матрасе и пьет воду из кружки.

– Ты меня в чем-то подозреваешь?

– Откровенно говоря, да, – со вздохом признается она.

– Твоя смерть мне невыгодна, мы уже не супруги, – буднично сообщает Глеб. – Твоя часть имущества перейдет твоему новому мужу. А это полный атас.

Она пожимает плечами:

– Так во сколько Дамир должен был прийти?

– Вообще-то он уже час как должен быть здесь. Я так же, как и ты, не понимаю, куда он запропастился.

Он тоже опускается на матрас с противоположного конца.

– Помнишь, – вдруг произносит он после затянувшегося молчания, – у меня была девушка. Еще до того, как мы с тобой...

– Помню, ты мне про эту Анжелику все уши прожужжал.

– Как и ты про своего доцента.

– Ну и?

Они оба внимательно разглядывают идеально ровную новенькую стену с едва уловимым для глаза рисунком серебристой краской по белой поверхности. «Как в больничной палате, – проносится в голове у обоих. – Как можно было выбрать такой жуткий цвет».

– Так вот, – продолжает он. – Мы не виделись с ней много лет, и она вдруг позвонила пару недель назад, попросила встретиться. Ей нужно было поговорить. У нее только что умер ребенок на позднем сроке беременности.

Она склоняет голову, но не поворачивается к нему. Неожиданно чувствует себя насквозь продуваемой, марлевой, больнично-дохлой. К горлу подступает тошнота. Только что был один Катин ребенок, теперь второй – Анжеликин. На этот раз еще и мертвый. Неизвестно, что из этого хуже. Зачин до боли похож на сюжетец «Письма незнакомки» Стефана Цвейга. Она сглаживает: все беременеют от ее бывшего мужа, если не считать ее саму, хотя врачи не нашли никаких отклонений. Она чувствует, как Глеб усаживается глубже, матрас прогибается, она поворачивает голову и встречает его взгляд. Нет, это не Цвейг. Сомнений быть не может – это ее личная параноя, у которой нет другой причины, кроме расстройства нервов. Мертвый ребенок Анжелики не мог быть от Глеба. Они не виделись с бывшей много лет. Он сам сказал. Да и Светлана уверена: не виделись. В противном случае она бы почувствовала. Как почувствовала Катю моментально, утробно, не носом, не слухом, не зрением, а как будто всеми системами сразу, кровью и лимфой, коркой и подкоркой. Нет-нет, тут какой-то другой сюжет.

– Ей надо было поговорить с кем-то, – продолжает он, не замечая ее напряжения. – Они с мужем обсуждали свою потерю, но берегли друг друга, и она не могла открыть все, что на самом деле чувствовала, а меня беречь было не обязательно. Да и не от чего. Мне-то что? Единственное, о чем я мечтал во время этого разговора, – когда уже можно будет его закончить, чтобы не слишком сильно обидеть.

«Поэтому на западе для таких разговоров используют психологов», – думает Светлана, но молчит. В голову лезут хрестоматийные сюжеты о любви-возвращении к своим же старым граблям: «Великий Гэтсби», «Королек – птичка певчая». Четвертая стража. Второе пришествие.

– И что? Нахлынули воспоминания? – интересуется она слишком поспешно.

Он делает короткую паузу, во время которой сканирует взглядом ее лицо.

– Нет, конечно! Я же объясняю – сидел там, как идиот, и слушал... Из уважения к прошлому, – говорит преувеличенно громко, чтобы точно дошло.

Несмотря на то что Глеб мало задумывается над вопросами интертекстуальности, вряд ли слышал о «саде расходящихся тропок», «анфиладе лингвистических тупиков» или постмодернистском лабиринте, все же он достаточно умен, чтобы рассказывать этот случай просто так, без какого-нибудь тайного умысла. Глеб обладает выдающимися способностями пристраивать к контексту отдельные факты и детали. Красноречие у него природное. Светлана встает. Бывший муж поднимается следом. Они снова выходят на воздух. Облокотившись о перила, молчат. Заметно похолодало, но принести верхнюю одежду никому не приходит в голову. Светлана думает о том, что на кону их хороших дружеских отношений стоит сейчас слишком многое, чтобы даже такой мачо, как Глеб, начал без всякого повода демонстрировать семиотическую систему знаков заинтересованности, в том числе и сексуальной. Впрочем, секс – это как раз полбеды. Если на то пошло, они вполне могли бы заняться благотворительным сексом на этом самом матрасе.

Теребить часы, «ненароком» касаться, блуждать взглядом по фигуре, поправлять волосы, приобнимать, держать ладонь в кармане брюк, выставя наружу большой палец, подсознательно фокусируя внимание на самом главном, расправлять плечи, учащенно дышать – все это не особо опасно, «это всего лишь инстинкты», как выразилась сестра Глеба. Но есть признаки похуже: долгий молчаливый взгляд, брошенный украдкой, «красивое платье» ни к селу ни к городу, дурацкая бравада на перилах, горячность, обидчивость, желание выяснить отношения. Вот это действительно лишняя и никому сейчас не нужная семиотическая нагрузка, как сказала бы ее первая любовь – доцент с кафедры философии. Отделившись от перил, Глеб прошелся по лоджии из конца в конец, уперев руки в боки. Глядя на него, Светлана вдруг поняла, что своей пружинистой нервной походкой он весь вечер напоминает ей внедорожник «Ниву Шевроле», которому дерзко задрали рессоры и поставили на колеса побольше. Он весь вечер выпендривается. Никаких сомнений: старается казаться больше себя обыкновенного. Инстинкты. Брачные игры самца. Неисправим. Даже если это постбрачные игры выбракованного экземпляра.

Напряженную тишину нарушает слегка придушенный, но хорошо различимый звонок ее телефона. Она несется в комнату, хватая сумку. С ее айфоном-трехлеткой такое случается все чаще: если дать ему полежать при полной разрядке, то он, словно старичок, отдохнет-подумает, прокашляется да и побряхтит-пофырчит еще чуть-чуть.

– Бери, только если Дамир. Если не он, сбрасывай и звони ему сама. Последний звонок все-таки, – четко командует моментально переключившийся и собравшийся Глеб.

На экране высвечивается «мама». Глеб выделяет руками лихие фигуры и корчит рожи, которые говорят что-то вроде: «отбой, или мы все лососнем вооооот такого тунца». Поколебавшись пару мгновений, она нажимает красную иконку. Телефон показывает меню, список контактов, после чего издевательски сообщает на всю комнату «плямс» и отрубается.

В сердцах она выражается очень недвусмысленно.

– Ты даже не успела бы ей объяснить, в чем дело, – сочувственно улыбается Глеб. Светлана вынуждена согласиться: что правда, то правда. Ее мама – не самая быстрая операционная система в этом городе.

– Слушай! – Он вдруг вскакивает как ужаленный. – А почему бы нам не использовать матрас? Судя по всему, у нас впереди уйма времени.

Светлана бросает на матрас бесполезный телефон, и тот пару раз туго подпрыгивает.

– Ты точно в своем уме? – Она невольно взмахивает руками и повышает голос.

Он хитро смотрит с ласковым укором:

– Света, не стану отрицать, мне льстят твои беспрестанные грязные намеки, но я имел в виду вспороть матрас и распрямить одну из пружин. Конечно, пружинная сталь имеет неприятное свойство возвращать форму, но у нас ведь с тобой имеется газовая горелка, холодная вода и скобы на балконе. И скобы эти шершавые – я только что проверял!

Светлана вдруг чувствует, что ее снова мутит. То ли это от того, что она замерзла на балконе, то ли от того, что ее бывший муж бредит и издевается одновременно. Какие еще нагретые пружины, какие шершавые скобы? Зачем? Однако Глеб уже просит достать из сумочки второй комплект ключей, находит на матрасе строчки по окантовке и начинает расшатывать нитки заостренным концом ключа, стараясь поддеть и вытащить.

– Помоги мне, поддержи, – в азарте борьбы с особенно тугой строчкой просит он.

В четыре руки дело действительно идет быстрее.

– Мы сейчас сделаем спицу из матрасной пружины. Заострим ее, и с таким инструментом я легко вытащу обломок из замка, – заверяет Глеб и продолжает практически без паузы: – Знаешь, какой самый страшный роман в русской литературе?

Он отодвигает ее пальцы и выдергивает нитку, с которой Светлана никак не может справиться.

– Нет, не знаю. Но мы с тобой сейчас похожи на безумных Бендера с Кисой Воробьяниновым, решивших, что в нашем матрасе зашиты бриллианты мадам Петуховой.

Глеб тихо смеется, берет ее за руку и говорит, глядя на распоротый шов:

– Самый страшный – это «Тихий Дон».

– Ну в общем-то да, не самая веселая история, – откликается Светлана, медленно убирая руку.

– Точно. Всю жизнь любить женщину, жить по соседству, жениться на другой.

Светлана вскакивает и пулей несется в ванную.

Глеб закрывает глаза рукой, оседает рядом с зияющим кокосово-латексным нутром, проложенным пружинами. «Блядь», – шепчет он и вдруг слышит характерные звуки, доносящиеся из туалета. Светлану тошнит.

– Это тебя от Шолохова или от меня? – Он протягивает ей воду, как только она выходит.

– От клаустрофобии, наверное.

– Нормально?

– Я прилягу.

– Пожалуйста. Я уже извлек то, что нужно.

Пружина матраса действительно похожа на спицу, завитую локонами. Глеб скрывается на кухне.

– Бутылка! – докладывает мужчина на всю квартиру. – Нам несказанно повезло. Мы богаче любого Робинзона. Здесь осталась Ольгина пустая бутылка из-под вина.

Наконец Светлана тоже появляется в кухне. Дурнота проходит. Неловкость от его признания отодвигается на второй план. Под руководством Глеба она наливает в бутылку холодную воду, и они вместе раскатывают нагретую пружину по кафелю. Глеб держит пружину за концы, используя вместо полотенца и рукавиц собственную рубашку. Проходит чуть больше часа, прежде чем они, разгоряченные, взмокшие, с небольшими ожогами на непривычных к кузнечному делу пальцах, вытаскивают застрявший в замке обломок ключа заточенной о те самые шершавые скобы самодельной спицей.

Путь свободен. Довольный Глеб сидит на растерзанном матрасе в одних трусах: брюки вслед за рубашкой тоже пришлось пожертвовать на нужды их импровизированной кузни, где ковалась победа в жестокой схватке между людьми и механизмами. Светлана едва держится на ногах, падает рядом.

– Это был очень толстый пушной зверь, правда? – интересуется он.

– Мастер-класс от графа Монте-Кристо, – откликается Светлана. – Наверное, даже знаменитый узник удивился бы, узнав, что замок можно взломать матрасом.

– В общем да, но я не о том.

– А о чем? – Она поворачивает голову.

Он полулежит лицом к ней на расстоянии вытянутой руки, опирается на локоть.

– О том, что мне почему-то кажется, что мы с тобой очень многое не говорили друг другу. Как Анжелика со своим мужем. Я слушал тогда ее, а думал о нас.

Светлана быстро отворачивается, на мгновение зажмуривается. Так вон к чему была история. Как издали зашел, Громыко чертов! Ее больше не тошнит, но во всем теле ужасная слабость и нежелание что-либо решать.

– Ты ускользаешь, как рыба, – говорит он, пользуясь ее молчанием.

– И ты сломал ключ в замке, чтобы рыба точно не просочилась?

– Нет.

– Ну что «нет»?! Я же не идиотка. Имей смелость, иди до конца. Почему ты вечно прешь, как танк, наступаешь, нападаешь, и вдруг в последний момент, когда надо принять решение...

– Ладно, сломал, – прерывает он мягко. – И Дамиру другое время тоже я назначил. А ты, в свою очередь, не стала ему звонить, хотя зарядка в телефоне еще была. Я оценил.

– Хотелось посмотреть, как ты доиграешь партию... – признается Светлана, но теперь Глеб не дает ей договорить.

– Ты тоже имей, пожалуйста, смелость.

Светлана хмурится и молчит, а он продолжает:

– Ты хотела, чтобы я доиграл партию. Мы доиграли. Ты дала мне этот шанс.

Она набирает в легкие воздух, но передумывает возражать. Он прав. И партия действительно разыграна. И по всем спортивным правилам Глеб сейчас в шаге от победы. Его беззащитное голое тело, умоляющие глаза, искреннее раскаяние, его запах – все на его стороне. Но, к сожалению или к счастью, жизнь не олимпиада. После всех этих удачных драйвов, кроссов и боутов¹ их пара неизбежно выпадает в аут. Да, именно так. Мимо правил. Проигрывают оба. Ну или, выражаясь спортивным языком, – ничья.

Глеб понимает это секундное замешательство по-своему, сокращает расстояние между ними, обнимает и зарывается лицом в ее волосы.

– Я идиот, – шепчет бывший муж на ухо бывшей жене. – Все еще можно исправить. Да, в каждой семье есть своя бабушка, которая в молодости отморозилась по полной, я помню про твою Олимпиаду. Но она ведь исправила свою ошибку, почему бы не попробовать и нам.

Светлана грустно улыбается ему в плечо. Сейчас Глеб, сам не зная того, почти дословно цитирует философа Жилия Делеза, которого она особенно штудировала в юности ради разговоров со своим доцентом. Если продолжить мысль, то неизбежно встанет вопрос о власти телесного, о семейных стереотипах и скелетах в шкафах, которые темным преданием втягивают нас в кровные отношения с прошлым, не всегда постигаемые умом. Человечество шагает вперед, социум и мораль подстраиваются под новые технологии, а темные глаза наших прабабушек, это вечное Евино око, прорезают наши души и тела сквозь вековую мглу. Рано или поздно мы сами становимся на место наших бабушек и разрешаем истории говорить нашими ртами. Телесное беззащитно, движение бесконечно, но сейчас Светлана знает точно: они переиграли саму Олимпиаду. И проиграли.

– Оба мы идиоты, – замечает она, не находя в себе сил отодвинуться и оттолкнуть его.

Он целует горячую, умопомрачительно знакомо пахнущую кожу, намечает языком пульсирующую вену на шее, сам не понимает, расстегивает или рвет платье, которое поддается на удивление быстро. Наверное, все-таки рвет, вот и характерный водевильный стук пуговиц

¹ Название основных ударов по мячу в игре сквош.

по новому ламинату. Семиотический знак победы телесного. Надо закрыть дверь, а то явится Дамир: теперь уж точно не ко времени.

– Хорошо, что один несломанный ключ у нас все-таки остался, – шепчет он в упругое белое кружево. Нашаривает ключ, который так и лежит на полу рядом с матрасом, и вдруг чувствует, как над головой раздвигается уютный облачный полог их нового брачного ложа, и чистый ручейный голос гроыхает с небес:

– Я беременна, Глеб.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга. Первым отмирает бывший муж.

– И в этом ты тоже круче всех. – привычным нетерпеливым жестом он треплет свои волосы. – После секса такое можно услышать от любой, но чтобы до – только от тебя.

Какое-то время они просто молча улыбаются друг другу. Кто и когда подменил мяч в их непростом взаимном сквоше, подсунув гранату с вырванной чекой?

– Поздравь меня, что ли? – предлагает она.

– Поздравляю! Прабабка Липа нервно курит, глядя на нас с того света.

– Шолохов тоже, поди, обзавидовался: сколько можно еще деталей накрутить. У тебя ребенок от секретарши, я беременна от американца. Оба мы состоим в законном браке с матерью и отцом наших детей, и у нас куча совместного имущества и бизнес.

Глеб задумывается на несколько мгновений и подытоживает с нарочитой серьезностью:

– Если все округлить, то счет один-один. Хотя юридических проблем точно не избежать, если...

– Если что?

В коридоре раздаются шаги.

– О, это, кажется, наш Годо, в смысле риелтор, – разводит руками Светлана. – Дождались все-таки.

Дамир оглядывает комнату, стараясь не выдавать своего изумления. Матрас разодран, на полу валяются скомканные брюки и рубашка. Туфли Светланы разметаны, будто взрывом. Сумка здесь же, на полу, вверх тормашками, блеванувшая из солидарности с хозяйкой всем своим содержимым. Разведенные собственники квартиры восседают друг напротив друга на матрасе. Он – в одних трусах. Она – в спущенном до пояса порванном платье, которое пытается поспешно натянуть на плечи.

– Начало осени – лучшее время года для продажи недвижимости. Цена моего предложения вас очень порадует. У меня уже есть покупатель, – произносит Дамир бодрым, наработанным за годы риелторской деятельности тоном.

Татьяна Устинова

Дверь в лето: Разговоры о жизни, любви и самом важном

Дверь в лето

Не люблю сентябрь! Пусть кто как хочет, а я – ну не люблю!

Особенно потому, что новый год.

Ну в смысле учебный, учебный!..

Все летние радости позади: дача, гамак, пинг-понг, длинные теплые дни, короткие теплые ночи, ожидание моря – мама, мама, а на море когда? Мама, мама, а мы надолго на море? А мы на досках будем кататься по морю? А мы будем в песке валяться у моря?..

Будем, сынок. Будем, не волнуйся. Вот мы, а вот и наши билеты на море! Все будет.

Но в сентябре вдруг получается, что все не «будет», а «было».

Дети не пристают с морем – оно ведь уже было! Гамак, натянутый между соснами, мочит дождик, надо бы снять, но дырка вместо гамака – окончательный приговор лету, а мы не хотим пока, мы еще «не готовы»!

И дети «не готовы»!

Никого не добудишься утром, ни студента – это старший сын, Мишка, ни школьников – младшего Тимофея и племянницу Сашку. Не встают, и все тут.

Лето не отпускает.

Давеча позвонила подруга и тревожным голосом осведомилась:

– Вы к школе готовы?..

В каком смысле?.. Учебники куплены, рюкзаки с ужасными мордами и черепами на фасаде – очень модная вещь! – припасены. Дневники, методические пособия, хрестоматии, тетрадки для домашних заданий – все есть.

А к школе мы, пожалуй, не готовы.

Мы все еще, как кот у какого-то, сейчас не вспомнить, американского писателя, ищем «дверь в лето». Все вместе, не только дети.

Мы хотим, чтобы впереди было море, гамак между соснами, и дни длинные-длинные, и радость жизни полная-полная, и пирог с малиной горячий-горячий, и огурцы, купленные у бабки, только что с грядки, а не выращенные на «гидропонике». Когда-то наша биологичка пыталась втолковать нам, что такое эта самая «гидропоника», но я так и не поняла. Поняла только, что с грядки лучше.

– А ты на встречу с классной ходила? – тревожно, как шмель в летних зарослях крапивы, гудела в трубке подруга. – А деньги на охрану у вас уже собрали? И почему охрана? У нас полторы, и говорят, что еще потом дособерут. А англичанка все та же или вам поменяли?

Ох, не ходила я на встречу, и про деньги на охрану мы каждое утро забываем, хотя уже сто раз в школе напоминали, что нужно положить их ребенку в рюкзак или в карман, чтобы он «сдал».

И мы не положили, и он не сдал.

Мы ищем «дверь в лето».

И без толку, без толку!.. Нет ее, этой двери. Сентябрь за окнами, темнеет рано, птиц не слышно боле, и далеко еще до первых зимних бурь... Впрочем, это все мы будем зубрить во время надвинувшегося на нас учебного года.

А двери нет.

Как всегда, ее отыскала моя мама, самая неправильная из нас. Мало того что она «неправильная», она еще... оптимистка.

– Танюш, – сказала мама в телефонную трубку, и голос у нее, не в пример подруге, был очень веселый, – поедem отдохнем немного от сентября, а?

– Как отдохнем?! – тяжело поразилаcь я. – Учебный год только начался, нужно втягиваться в работу. И на встречу с классной я так и не сходила, и деньги за охрану...

– Да ладно! – перебила моя неправильная мама. – Успеem мы втянуться. Поехали, а?..

Если бы вы знали, как были счастливы дети, что мы едем «отдыхать от сентября»! Как орали, скакали, как моментально собрались, как скулили, чтоб скорей, скорей, как влезли в машину и уселись там со встревоженными лицами – вдруг мы передумаем?..

Но мы не передумали. И бездельничали целую неделю, нисколько себя не ругая.

Анна и Сергей Литвиновы

Черный конек

Летом и осенью 1999 года Черноморское побережье Кавказа потрясла серия загадочных убийств.

Убивали молодых мужчин. Только и исключительно мужчин. За два месяца погибло пять человек. Самому старшему было тридцать девять лет. Самому молодому – двадцать три. Трупы их обнаруживали по всему побережью от Геленджика до Адлера.

У последнего из убитых (его нашли в волнах прибоя неподалеку от курортного местечка Бетта) в кулаке была зажата шахматная фигура – черный конь.

* * *

Я сидел за столиком с видом на море.

Легкая дымка. Морось. Шумный прибой. Рюмка водки.

Что еще нужно, чтобы скоротать сентябрьский приморский вечерок!

Кафе было маленьким, на пять столиков. За соседним столом поместились три краснолицые курортницы. Они хихикали над своим шампанским и временами кидали на меня откровенные взгляды. От их недвусмысленных позывных я покрывался испариной.

Вот дурынды! Я передвинул стул и стал смотреть в сторону набережной. Махом допил кофе. Закурил. Помахал официантке. Она подтащилась. Я протянул ей купюру. «Принеси мне еще кофе. Сдачу оставь себе».

По набережной под хмурым небом расхаживали немногочисленные курортники, рискнувшие взять отпуск в бархатный сезон. Лица у них были такие, будто их обдурили на четыре кулака.

Мне здесь тоже, право, надоело. Пора домой.

Завтра еще поторчу в этой Бетте. А послезавтра залью в мою старушку «Ауди-80» полный бак, наберу канистры – и пора, пора в Москву!

И тут в кафешку вошел человек, который круто изменил мой маршрут.

То была девушка. Среди расхлябанных курортников она выделялась, словно синичка меж индюшками. Точеная фигурка. Милое личико. Живые искрящиеся глаза. Простой полотняный костюмчик (ценой этак долларов триста). Боже!

Она продефилировала к стойке и спросила коньяку. Затем оглянулась и мельком осмотрела кафешку.

Все столики были заняты. Курортники деловито заправлялись шашлыком и водкой. Или снимались, как те три дамочки. И я.

Черт возьми, я не мог ее упустить.

Наши глаза встретились. Я засиял в сто пятьдесят киловатт. Она слегка улыбнулась в ответ и двинулась к моему столику. Господи, направь ее стройные ножки!

– Я вам не помешаю? – спросила она.

Голос у нее был низким, чуть хриловатым. Этот голос свел меня с ума – если я еще не был достаточно сумасшедшим.

– Вы мне поможете, – попытался сострить я.

Она мило рассмеялась, усаживаясь.

Бармен принес ей коньяку. Официантка поставила кофе для меня.

– Здесь лучший кофе во всем поселке, – проинформировал я незнакомку.

– Знают секрет? – Она улыбнулась и пригубила коньяк.

- Не жалеют заварки.
- Вы здесь старожил?
- Я гурман. Люблю настоящий кофе. Люблю готовить.
- Яичницу?
- Соте из баклажанов. Салат из креветок с ананасами. Осетрину в кляре.
- Звучит аппетитно.
- Другим нравится. И девушкам – тоже.
- Дайте списать рецептик. Креветки с ананасами – весьма романтично.
- Хотите удивить мужа?
- Удивлять можно не только мужа... – сказала она. – Пейте кофе, он совсем остыл.
- Может, выпьете со мной чего покрепче?
- Я уже пью.
- Одна рюмочка не спасает от холода.

Она покачала головой и откровенно взглянула мне в глаза:

- Я люблю делать глупости на трезвую голову.

Мне показалось, что я ослышался. Я не нашелся, что ответить, и сделал долгий глоток кофе. Мой дружок, и без того давно уже пробудившийся от ее низкого голоса и обещающих глаз, совсем распоясался.

- Какого рода глупости вы предпочитаете? – спросил я внезапно охрипшим голосом.

Я смотрел ей в глаза. Она не ответила. Усмехнулась и допила коньяк. Над столиком повисло молчание.

Море расшумелось еще пуще. Три курортницы, бросая на мою собеседницу ледяные взоры, принялись собираться.

- Вы умеете гадать на кофейной гуще? – вдруг спросила она.
- Не люблю гадать. Чему быть, того не миновать.
- Вы фаталист? Печорин?

Я усмехнулся:

- Скорей Максим Максимыч.

– А я гадаю. По книгам. По рукам... А все-таки лучше всего выходит по кофе. Дай мне твою чашку.

Я не ослышался. Она сказала мне «ты». Я был покорен. Я был в полоне. Безропотно передвинул ей по столу чашку.

Она слегка покрутила гущу, а затем быстрым движением опрокинула чашку на блюдце.

Уже совсем стемнело – только качался от ветра фонарь перед входом в наше кафе да грохотало море. По набережной зябко проходили курортники в накинутых на плечи кофтах. Ветер трепетал рукавами.

Незнакомка резко перевернула чашку и сосредоточенно уставилась на кофейный узор. Прошла минута. Вдруг она побледнела и резким движением отодвинула блюдце.

- Что там?
- Хочешь – смотри.

Я придвинул чашку к себе. Всмотрелся.

- О! Там написана фамилия будущего президента!
- Не смешно, – строго сказала она. – Смотри лучше.
- Чей-то рот. Широко открыт. Кто-то кричит!
- Это женский рот.

– Ну и что? – Я внимательно взглянул ей в глаза. – Женщины кричат по разным причинам.

Она отвела глаза. Она по-прежнему была бледна.

- Пойдем отсюда, – вдруг сказала она.

- Я знаю хороший ресторанчик.
- Нет. Проводи меня домой.
- У меня машина.
- Тогда довези.

Мы вышли из кафе и пошли через набережную к моей старухе «Ауди». Девушка молчала, зябко обхватив себя руками.

Я открыл перед ней дверцу и усадил в теплое авто, нагретое за день. Сел рядом с ней. Включил зажигание. В машине было темно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.